

Ф. И. УСПЕНСКИЙ

ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕВРОПУ.

I. ТУРКИ. II. МОНГОЛЫ.

Последние годы своей жизни, начиная приблизительно с 1926 г., академик Ф. И. Успенский посвящает изучению большой проблемы, связанной с взаимоотношениями между Западом и Востоком в XI—XIV вв., а именно — вопросу о значении для Европы, в частности и для Византии, появления на арене мировой истории турок и монголов. Ф. И. Успенский занимается этой темой почти до последних дней своей жизни: на некоторых из относящихся сюда его рукописях, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде, можно видеть пометки с датой „февраль 1928 г.“¹, а Ф. И. Успенский, как известно, умер 10 сентября того же 1928 г.

Тема разрабатывается Ф. И. Успенским весьма широко. Одновременно им дается глубокий анализ изучаемых явлений на основе постоянно привлекаемого материала первоисточников. Как трактовал Ф. И. Успенский поставленную проблему, видно из следующего. В одной из рукописей незаконченной, видимо, статьи, носящей название „Значение выступления монголов в общеевропейской истории XIII и XIV вв.“, мы находим такие строки:² „центральным пунктом, на котором сосредоточиваются главнейшие исторические факты и куда переносятся самые живые духовные и материальные притязания европейского человечества, являются восточные побережья бассейна Средиземного моря. Отсюда находится в зависимости и в достаточной степени может быть объяснена как политика римского папы и императора, так и судьбы грозной для Европы, организующейся на Востоке империи Чингиз-хана. Самая история

¹ Ф. 116, оп. I, № 30.

² Ф. 116, оп. I, № 27.

этой империи и характер монгольского господства на Руси не могут быть объяснены, если не принимать во внимание настойчивых и вместе с тем весьма убедительных советов, направлявшихся из Египта в Константинополь и Сарай. Словом, выяснение направляющей роли в событиях XIII в., подготовивших, с одной стороны, неудачу европейцев прочно утвердиться в Азии после IV крестового похода, с другой же — разложение империи монголов и падение Золотой Орды, должно быть перенесено в другое русло и найти себе объяснение в такой комбинации фактов, которая, давая предпочтение Средиземноморским политическим и торгово-промышленным интересам, переносит сюда главный интерес изучения“.

Эта цитата достаточно убедительно разворачивает тот круг вопросов, который интересовал Ф. И. Успенского, определяя в то же время вполне четко основные контуры его концепции.

В Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде находится несколько работ Ф. И. Успенского на эти темы. При выборе материала для опубликования в „Византийском Временнике“ мы руководствовались соображениями хронологического порядка, полагая, что, например, работа „Морское и сухопутное движение из Центральной Азии и обратно в XIII—XIV вв.“ должна быть напечатана позднее в нашем журнале, чем печатаемая ныне, равно как и другая статья Ф. И. Успенского „Монголы и мусульманство во второй половине XIII в.“. Иные статьи, как, например, „Ближайшие годы по смерти Чингиз-хана“, казались более подходящими для сборника статей Ф. И. Успенского, чем для „Византийского Временника“ — органа византиноведческих знаний.

Ни в стиле, ни в самом изложении в работе Ф. И. Успенского никаких изменений не сделано. Очень незначительные поправки и дополнения, преимущественно библиографического характера, обозначены прямыми скобками. Статья подготовлена к печати ст. научн. сотрудником Института истории АН СССР Н. С. Лебедевым.

* * *

Редакция

С тех пор, как прирожденное чувство пытливости направило ум человека к уразумению бытия его в прошлом, появилось множество мнений и теорий о начале человеческого общежития и об исконной колыбели человека в географическом смысле. Господствующая теория, усваивая сесеру Европы наименование *vagina gentium*, *officina nationum*, исходит из наблюдений над явлениями исторической жизни при переходе от древности к Средневековью; другая теория, опираясь на факты гораздо более удаленные, сведения о коих

почерпаются из народных преданий, записанных в древности, указывает на Восток, как на первоначальное место происхождения человеческого рода и первых форм общежития. Из этой теории получает объяснение известная формула „ex Oriente lux“.

Мы не предполагаем здесь вдаваться в общие рассуждения о месте происхождения первого человека, наша цель более скромная: проследить и до известной степени объяснить бурный поток, направляющийся в течение нашей эры в Европу из Азии. Всякому известно, что нашествие гуннов и движение монголов в этом отношении представляет самые выразительные события. Совершенно понятно также, что последний факт в форме татарского господства над Русью особенно привлекает к себе внимание наших ученых и во многих отношениях заслуживает углубленного изучения в интересах русской науки и культуры. В последнее время прекрасные исследования академика В. В. Бартольда, посвященные монгольской истории,¹ внесли много нового света в этот вопрос и тем придали монгольской истории особенную привлекательность в научном отношении.

Но прежде всего здесь надлежит дать себе отчет в особенном характере и процессе научной работы по истории монголов, которая, что касается фактической и формальной стороны, всецело основывается на восточных источниках и составляет предмет востоковедов. Что касается области, доступной в этом отношении незнакомому с восточными языками, она ограничивается методическими приемами изучения и применения к местной истории наблюдений, вынесенных из работ над всеобщей, в частности средневековой, историей. Арабские, персидские и турецкие писатели, с которыми здесь приходится иметь дело, независимо от особенностей языка, отличаются еще разнообразными и существенными качествами по самому темпераменту и по способу выражения своих взглядов на наблюдаемый предмет, о котором имеют передать свое мнение. Для примера укажу на следующие вступительные слова к истории Хулагу: „Соловьи, поющие на лугах предания и разливающие песни свои по цветнику повествований, в ухо разумных людей принесли следующую весть“.² После этого вступления исследователь должен

¹ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I—I.I, СПб., 1900; его же. Образование империи Чингиз-хана, СПб., 1896 (Отд. от. из Записок Восточного отд. Имп. русского археол. общ., т. X); его же. Улугбек и его время, П., 1918 (Зап. Рос. Академии Наук, т. XIII, № 5).

² Хандемир. перевод Григорьева, стр. 43 [История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Перевод с перс., СПб. 1834].

запасть большой осмотрительностью в смысле оценки источника как материала для истории в нашем смысле.

Переходя к теме предстоящего исследования, мы ставим на очередь, с одной стороны, вопрос об особенном характере восточных писателей, сообщающих сведения о монголах, и, с другой стороны, об одинаковом в расовом, этническом и культурном отношении тех народов и племен, которые предшествовали и следовали за монголами в передвижении из Центральной Азии в Европу с X в. и позднее. Не может возбуждать сомнений, что восточный писатель передает свою точку зрения на предмет, соответствующую его психике и мировоззрению.

Важнее другая сторона дела, на которую нужно обратить здесь внимание. Если ограничиться сравнительно лишь небольшим временем, когда Передняя Азия и юговосточная Европа стали подвергаться особенной опасности со стороны восточных кочевых племен, т. е. периодом движения турок-сельджуков с XI в., монголов и, наконец, османских турок — покорителей Константинополя и Балканского полуострова, то в общем мы должны отметить у всех этих народов, кроме этнических одинаковых черт, общий всем кочевой быт, соединенное с ним родовое или кланное устройство с преобладанием родовых старшин в качестве местной аристократии. Во главе нескольких сотен или тысяч кибиток выделяется власть племенного начальника или хана, который вследствие потребностей новых мест для кочевья своего племени или по личным неудовольствиям против соседних племен, стремится к объединению их под своей властью и создает своеобразную империю, придав ей военное устройство. Сельджукские Тогрул-беки, Сулейманы и Арсланы, монгольские Чингиз-ханы и Тамерланы, наконец, турецкие Баязиды и Магометы — завоеватели Константинополя, представляют много сходства и выражают одну общую им черту — завоевательный характер. Выступает также их, свойственная им всем, особенность, выражающаяся в веротерпимости. Пока мусульманство не наложило на них свою печать и пока муллы и хаджи не завладели волей и совестью народа, турецкое и монгольское господство среди христианских населений почиталось последними как счастливый выход из отчаянного положения под властью христианских властителей.

В высшей степени важно, наконец, отметить, что при передвижении из Центральной Азии восточные народы встречали на пути сходственные обычаи, в особенности военные, не совсем чуждый язык и близкие религиозные воззрения. Все это располагало к тому, чтобы во вновь занятых областях через некоторый период наступало сближение между победителями и побежденными. Обладая сравни-

тельно большим количеством сведений для монголов Золотой Орды в сборнике Тизенгаузена, мы можем сослаться на целый ряд известий у разных писателей, что монголы скоро подчинились условиям жизни в Кипчакской стране, начали вступать в браки с местными жителями и уподобились им по жизни и нравам.¹

Сделанные выше предварительные заключения позволяют нам в настоящее время войти в существо предмета и попытаться ознакомиться с процессом движения монголов через земли, населенные народами, стоявшими к ним в близких отношениях.

Начнем с описания страны, которую им предстояло завоевать, и народов, с которыми им нужно было встретиться. Это были, главнейше, турки-сельджуки и греки.

1. ТУРКИ

При Константине Мономахе, с 1047 г. турецкий вопрос на отдаленной восточной границе приобретает первостепенное значение.

Турки-сельджуки вносили в историю Византии, и до некоторой степени в историю Восточной Европы, новый элемент вражды к христианскому строю жизни, хищничества и разрушения, от которого империя могла считать себя навсегда освободившейся после одержанных над мусульманством побед. Кроме того, сельджуки не ограничивались нападениями на пограничные области и не долго оставались лишь соседним народом, но, скоро воспринявши на себя исконные задачи магометанского мира в борьбе с христианским и с энергией молодого воинственного народа, стали оттеснять культурное население империи и занимать исконные имперские области. В половине XI в. мы присутствуем при начале громадного движения народов с отдаленного Азиатского востока, напоминающего до некоторой степени эпоху великого переселения народов; в этом последовательном росте народных передвижений турки-сельджуки предшествуют монголам или татарам и сменяются османскими турками, в конце концов в известной мере осуществившими идею борьбы мусульманства с христианством. Из сказанного видно, что турецкий вопрос в истории Византии и христианских стран занимает важное место.

Новыми исследованиями выдвинут, кроме того, тот замечательный

¹ Наиболее выразительные места из сборника Тизенгаузена. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884; Эломари, стр. 235. „В древности это государство было страной Кипчаков, но когда ими завладели татары, то Кипчаки...“ и пр.; Ибн-батута, стр. 282; Ибн-халдун, стр. 385, прим.; Элайни, 505.

факт, что между различными кочевыми народами, занимавшим Среднюю Азию и Южную Россию, большинство, несмотря на различие наименований, принадлежит к одному и тому же этнографическому корню, то-есть к турецкому племени. Какие бы имена ни придавались турецко-татарским племенам, в общем между ними находится племенное родство и сходство в языке.¹

Движение турецко-татарского или тюркского племени от первоначальных мест обитания его на Алтае к Китаю и Туркестану и далее на запад выразилось в двух всемирно-исторических явлениях: 1) в стремлении сельджуков занять области, находившиеся в сфере влияния Багдадского калифата и Византийской империи в XI в., 2) в движении монголов или татар на восток под предводительством Чингиз-хана в XIII в.

Первая волна переселения захватила гузов и туркменов, которые двинулись против Армении и Малой Азии; от них выделились османы, впоследствии завоевавшие Византийскую империю и основавшие в Европе прочное господство. Само собой разумеется, теперь наше внимание должно сосредоточиться на обстоятельствах, сопровождавших это первое движение. Гузы в первый раз упоминаются в Бухаре и Самарканде, они разделялись на несколько колен, из коих сельджукское занимало главное место. Наименование происходит от имени Сельджука, племенного старшины, давшего части гузов свое имя и выдвинувшего ее на историческое поприще в конце X в. Военные подвиги сельджуков начинаются при внуках Сельджука Тогрул-беке и Чакыр-беке и совпадают, как сказано выше, с царствованием Константина Мономаха. Для точности заметим, что для нашей цели главное значение имеют две ветви сельджуков: сирийско-месопотамская и малоазиатская, иначе — иконийская.

Нет сомнения, что усиление власти турок-сельджуков на счет мусульманских князей Персии и Месопотамии и напор их на восточную границу империи вызвали большое брожение среди населения Багдадского калифата; точно так же и самый успех турецкого движения столько же может быть объясняем военными дарованиями первых вождей, как религиозной борьбой между шиитами и суннитами и внутренними усобицами. Есть драгоценное описание тогдашнего мусульманского мира, принадлежащее современному

¹ Главные пособия: В. Г. Васильевский. *Византия и печенегы*. Труды, т. I, СПб., 1908. Приложение I. О Куманском (Половецком) словаре (То же, ЖМНП, декабрь, 1872); Weil. *Geschichte der Chalifen*, III, S. 81 sq; Müller. *Der Islam im Morgen- und Abendlande*, I, S. 627; II, S. 71—96; Parker. *The origin of the Turks* (*The English historical review*, II, p. 208); Gibbon. *The history of the decline and fall of the Roman Empire*, ed. Bury, VI, p. 224.

персидскому путешественнику Нассыр-Хозрою, который в течение семи лет (1045—1052) сам осмотрел главнейшие мусульманские страны.¹ Его вывод, между прочим, выразился в довольно суровом приговоре: „Справедливость и порядок соблюдались только в четырех местах: в Деште (близ Тавриза), в Дейлеме, в Египте и в Табеси, да и то лишь при некоторых правителях. Но кроме Египта упомянутые места представляют собой удаленные горные области, лежавшие вне сферы влияния гузов и сельджуков». Он жалуется на отсутствие безопасности в Хорасане; под господством Тогрул-бека Басру и другие города он нашел в развалинах; в Мекке, в 1050 г. было, по его словам, не более 2500 мужского населения. Хотя новые вожди турок хорошо понимали, что успех их зависит не от хищнических и опустошительных набегов, а от некоторой созидательной работы, тем не менее история возникновения самостоятельного турецкого государства сопровождалась обыкновенными сценами убийства и хищения, которое довело Малую Азию до крайнего обнищания и одичания. Завоевательная карьера Тогрул-бека в течение 20 лет показывает, что в его распоряжении были большие силы, которые подновлялись новыми охотниками, привлекаемыми жадой добычи и новых завоеваний. Походы Тогрул-бека начинаются с 1042 г., когда он присоединил Горчак и Табаристан; в то же время брат его Чахыр-бек завоевал область Балх. В следующие годы они распространили завоевания на Ховарезм и Испангань. В 1048 г. брат Тогрул-бека Ибрагим Инал сделал вторжение в Армению, находившуюся в вассальной зависимости от Византии. Уже тогда турецкое завоевание могло бы угрожать значительными успехами и заставить империю принять надлежащие меры предосторожности, но между братьями вспыхнула усобица, окончившаяся поражением Ибрагима в 1049—1050 гг. Большим также облегчением для Византии было и то обстоятельство, что предводителю турок предстояла задача определить свое положение относительно Багдадского калифа или, правильнее сказать, многочисленных эмиров, зависящих от Хозроя Фируса, тогдашнего эмира Аль-Омра, всемогущего правителя калифата. Тогрул-бек решил свергнуть Бундскую династию, но для этого ему было необходимо завладеть Багдадом. В 1055 г. он сделал нападение на столицу калифа, воспользовавшись постоянными раздорами между суннитами и шиитами и личными раздорами между руководителями политикой калифата. Трудно судить о подробностях, но известно, что в том же году наступил конец господству в Багдаде великого эмира Аль-Омра и с тем вместе значению рода Бундов. В дальнейшем обращают

¹ Schefer. *Sefer Nameh, relation du voyage de Nassiri Knosrau*, Paris, 1881.

на себя внимание заботы Тогрул-бека заручиться родством с калифом, чтобы упрочить значение своего рода в глазах мусульманского мира. Несмотря на преклонный возраст, в 1062 г. он женился на дочери калифа и тем закрепил за своим потомством право на власть над правоверными. В следующем году он умер, 70 лет от роду.

Уже при жизни Тогрул-бека турки не раз входили в столкновение с византийскими наместниками в Армении и Грузии. Как ни спутаны относящиеся сюда немногочисленные известия, можно, однако, видеть, что опустошения, производимые турецкой конницей и повторяемые не один раз, причиняли большие бедствия мирному населению. По словам современного армянского историка, „Двери небесного гнева отверзлись на нашу землю. Из Туркестана выступили в большом числе военные отряды на конях, быстрых, как орлы... Достигши Васпуракана, как голодные волки, они напали на христиан“.¹ Здесь имеется в виду поход Ибрагима Инала, брата Тогрул-бека, когда против него так несмело и неудачно действовали Катакалон и Аарон,² что допустили его захватить и разграбить богатый торговый город Армении Арзен, ныне Эрзерум.

После небольшого перерыва, объясняемого возмущением Ибрагима, Тогрул-бек вновь сделал вторжение в вассальную византийскую область в 1053 г. По свидетельству Матвея Едесского, „Тогрул султан, происходящий из косматого и отвратительного народа турок, напал на Армению с войском, многочисленным, как песок морской. Он взял приступом Пергри и, наложив оковы на знатнейших граждан, отвел их в плен, захватил и другие города и уничтожил в них население. Как черная туча, сверкающая молнией, он отмечал свой путь губительным градом. Подвергнув осаде город Ардиш в течение 8 дней, он заставил жителей покорно сдаться. С помощью больших приношений золотом, серебром, конями и мулами они исходатайствовали предварительные условия мира и при этом сказали: султану, властителю мира, остается взять Манцикерт, и тогда мы и вся Армения будем ему принадлежать“. Упомянутый город, имеющий трагическое значение в истории войн империи с турками, находился у берегов Аракса, недалеко от Карса; был защищен тогда тройной стеной и составлял действительно одну из важнейших крепостей Армении. Тогрул немедленно приступил к осаде города, который, однако, был хорошо подготовлен к обороне своим стратигом армянского происхождения Василием Апокапи. Видя безуспешность

¹ Arisdaguès de Laschiverd приведено у Schlumberger, III, p. 551.

² Cedreni, II, 575.

обложения столь крепкого города, султан предпочел заняться опустошением открытых мест, для чего снял осаду, между тем как, по словам местного историка, стояло еще 10 дней постоять под городом, и он бы сдался. Часть турецкого войска нападала на соседние области и между прочим проникла в пограничную фему Халдию и опустошительно прошла по значительной части Грузии, доведя набеги до Абхазии и гор Кавказа. Манцикерту, однако, предстояло выдержать вновь усиленную и продолжительную осаду, которая велась с редкой настойчивостью со стороны осаждающих, и с удивительным искусством и самопожертвованием со стороны городских защитников. В течение целого месяца султан два раза каждый день делал приступы, один раз утром при восходе солнца, другой — вечером. Но будто бы в самом совете султана был изменник, который сообщил осажденным обо всех предполагавшихся со стороны турок военных предприятиях против города. Наконец, доставлена была из Битлиса особенно большая стенобитная машина, с помощью которой начали бить стены города. Тогда Василий Апокапи объявил в своем гарнизоне большую награду тому, кто бы нашел способ сжечь эту дьявольскую машину. В городе действительно нашелся искусный инженер — франк по происхождению, который при помощи изготовленного им секретного воспламеняющегося состава, приблизившись к машине под видом вестника, имеющего поручение к султану, успел бросить в машину три снаряда и произвести пламя, от которого она погибла. Это было большим торжеством для осажденных, которые стали смелее относиться к своему положению и не давали неприятелю никакой надежды на скорую сдачу. Тогда Тогрул принужден был снять осаду и удалиться, похваляясь, что на будущую весну он возвратится с новыми осадными средствами. Оборона Манцикерта доставила большую славу вождю греческого гарнизона, который скоро был назначен стратигом Эдессы.

Выше мы видели, что важнейшим делом Тогрул-бека после рассказанных военных событий было торжественное вступление в Багдад, где он занял при калифе самое влиятельное положение и перед смертью женился на его дочери. Первый султан сельджуков украшен всеми добродетелями под пером писателей суннитского толка, но византийские источники свидетельствуют об нем, как о вожде диких полчищ, вносивших огонь и опустошение во все области, куда только появлялись турки. После Тогрул-бека не осталось сыновей, между тем как от Чакыр-бека происходит многочисленное потомство. Его дети Алп Арслан, Якут, Кавуд и Сулейман остались [претендентами] на власть султана. Несмотря на

попытку произвести переворот и выдвинуть вместо старших сыновей Чакыр-бека младшего — Сулеймана, который пользовался расположением умершего султана и был им усыновлен, военная партия одержала перевес и высказалась в пользу Арслана.

Объявленный султаном в 1063 г. Алп Арслан может быть назван настоящим основателем сельджукского могущества. При нем и при его сыне Мелик-паше (1072—1092) неограниченная власть в султанате принадлежала визирю Гассан-ибн-Али, названному Низам-Эль-Мульк. Его заслугой нужно считать то, что он побудил Алп Арслана отменить суровые законы против шиитов и тем дать некоторое удовлетворение персидским подданным во владениях калифата, который во второй половине XI в. действительно на короткое время обнаружил признаки новой энергии и жизненности. Освобожденные от забот внутреннего управления сельджукские султаны тем успешнее могли предаваться военному делу и распространять на востоке и западе пределы своей власти. Гузы и туркмены внутренней Азии, привлеченные победами и жадной добычей, составили главную силу сельджукского государства. После занятия Багдада (1054) они распространились по Персии и Месопотамии, а позднее турецкая орда, постоянно обновляемая новыми притоками свежих сил, разлилась, как весенняя вода, по Сирии, Армении и Малой Азии, занимая новые области то именем султана, то для собственных поселений. „Нужно признать, — говорит по этому поводу доктор Мюллер,¹ — весьма умной политикой сельджукских владык, что они эти не поддающиеся дисциплине, но превосходно приспособленные против внешнего врага иррегулярные войска предоставили главнейшие их собственным вождям вести в византийские области и в магометанские пограничные земли Месопотамии и Сирии. Правительство выигрывало от этого, правда, на счет тех областей, которые принуждены были платиться громадными жертвами за капризы отдельных эмиров.“ Ближайшие приобретения, сделанные на счет Фатимидов и Византийской империи, заключались в следующем. Скоро Алп Арслан укрепил свое положение на Востоке, усмирив восстание Кутулмышы и других вождей в Рее (Тегеран); он с началом 1064 г. пошел в Армению с целью продолжать начатые отцом его завоевания. Поход сопровождался успешным занятием укрепленного города Ани, опустошением страны, разрушением церквей и обращением их в мечети. Худшее же было в том, что тогда в первый раз для туркменской конницы открылась дорога в Малую Азию. Как прежде сарацинские наезды из-за Тавра, так в настоящее время туркменские походы, простиравшиеся до Каппадокии, Понта

¹ Müller. Der Islam, II, 87.

и Фригии, наносили непоправимый ущерб трудолюбивому земледельческому населению этих областей, оттесняли культурное население и обращали в пастбища занимаемые ими земли.

Но прежде чем закончить историю первых сельджукидов, считаем нужным объяснить, что как на западной, так и на восточной границе к концу Македонского периода народились новые народы, которым принадлежало ближайшее будущее. К сожалению, византийское правительство оказалось далеко не в состоянии оценить значение этих новых народов, которым было суждено оказать глубокое влияние на исторические судьбы империи. Существенное значение сельджукского вопроса выражается ближайше в том, что не дальше как в 1081 г. вся Малая Азия до Никеи оказалась в руках турок, что Сулейман, сын Кутулмыша, имел смелость основать свою резиденцию у самых почти ворот столицы империи, в знаменитой по церковным воспоминаниям Никее.

2. МОНГОЛЫ

Для первоначальной истории монголов и основных черт организации монгольской империи, можем сослаться на исследование академика В. В. Бартольда, не принимая на себя задачи входить в подробности.¹

Нас будет здесь занимать история движения монголов из первоначальных мест обитания в культурные страны Центральной Азии и далее на Запад, в области Каспийского и Черного моря. Военная удача уже к 1211 г. привела монгольские отряды к северным частям Семиречья, но вследствие начавшейся тогда же войны с Китаем Чингиз-хан должен был приостановиться с движением на Запад. После победы над Китаем и взятия Пекина, особенно увеличившей славу монгольского завоевателя, наступает пора энергичного движения его в направлении к Туркестану и знаменитым древней культурой областям Месопотамии.

С конца XII в. в Центральной Азии политическое преобладание принадлежало тюркской династии, имевшей столицей Хорезм и известной под именем хорезмшахов. Современником монгольского нашествия был хорезмшах Мухаммед (1200—1220), борьбой с которым отмечаются первые успехи Чингиз-хана в Туркестане и Персии или в Мавераннагре (по течению Аму-дарьи). Столицей его был Гургандт, или Ургенч, получивший новое значение в XII в. как сто-

¹ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1900, ч. II, стр. 409; его же. Улутбек и его время, П., 1918, стр. 9—11 (Записки Рос. Академии Наук, т. XIII, №5).

лица могущественной династии хорезмшахов. Когда эта династия сделалась самой могущественной во всем мусульманском мире, ее столица должна была обогатиться сокровищами завоеванных стран. Якут, бывший здесь в 1219 г., считает Гургандт едва ли не самым обширным и богатым из всех виденных им городов. Наиболее подробное перечисление городов и селений Хорезма находим у Макдиси. Хорезмшахи заключили союзы с сельджукидами и имели на службе кыпчаков.

В высшей степени важно дать себе отчет в первых сношениях Чингиз-хана с тюркским миром, в большинстве исповедовавшим магометанскую религию и в религиозном отношении стоявшим в подчинении к Багдадскому калифату. Хотя с точки зрения господства мусульманского можно было бы представить области Центральной Азии, начиная с китайского Туркестана и продолжая Месопотамией и Малой Азией, как объединенные и в политическом отношении, но на самом деле восточная и западная часть всей Центральной Азии состояла под главенством: первая — хорезмшахов со столицей в Ургенче, вторая — сельджукидов, имевших наиболее могущественного представителя в султане Икония и многочисленных эмиров и мелких владетелей, зависевших от калифа в Багдаде. Следует еще принять во внимание, что от Монголии и Китая шла торговая караванная дорога к Европе, пользовавшаяся покровительством властей восточной и западной половины Центральной Азии. Первые столкновения монголов с хорезмшахами произошли на почве торговых интересов и велись по торговому караванному пути, направление которого много объясняет и в истории движения Чингиз-хана на Запад. Чтобы не оставаться далее под влиянием преувеличенной и часто ошибочной теории о весьма низком культурном состоянии монголов, мы должны помнить, что в Мавераннахре они встретили оседлое население, обладающее высокими культурными преданиями, идущими глубоко в древность. Не входя в детали, укажем на некоторые явления.

Ал-Катиб ас Самарканди¹ приводит характерный анекдот о султане Синджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок: „Малые будут исполнять дела великих, а великие не могут исполнять дела

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 405.

малых“, то-есть простой народ захочет вести жизнь знатных людей, и некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов. Еще более характерный отзыв о классе „ремесленников и земледельцев“ мы находим в одном из официальных документов времени Синджара: „Они не знают языка царей, и для них недоступно понятие о согласии с правителями или о возмущении против них; все их дела имеют только одну цель — добыть средства к жизни и прокормить жен и детей...» Таким образом, наемное войско составляет единственную опору престола, и государь в собственных интересах должен был отдать ему предпочтение перед гражданскими элементами. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас официальным документам, в государстве хорезмшахов существовали те же главные должности, как в сельджукской империи, именно должности визира, казия и мустауфи.

Слухи о событиях в Китае не могли не распространиться в Азии, где всегда жива была мысль о богатствах Китая и куда мечтали добраться восточные сельджукиды и хорезмшахи. Естественно было желание проверить сведения о монголах и о силах Чингиз-хана еще в Китае. Это было еще в 1216 г. Принимая посольство, Чингиз-хан отнесся к хорезмшаху со всей любезностью и велел ему передать, что считает его владыкой запада, как себя владыкой востока, и выражает пожелание, чтобы купцы свободно переезжали из одной страны в другую.¹

Чтобы дать себе отчет в политическом положении двух восточных владык, мы должны точно обозначить границы хорезмшаха Махмуда.² Центром его господства была Хива, называемая у восточных писателей Хорезм и Хорасан, со столицей в Гургандте, впоследствии Ургенч, на левом берегу Аму-дарьи. К Хорезму принадлежали Персия, Афганистан, Белуджистан и весь бассейн Аму-дарьи и Сыр-дарьи до границ Китайской империи на востоке и до линии нынешних Оренбург—Семипалатинск на севере. Было бы трудно описывать подробности этого первого столкновения, которое отмечается обычными преувеличениями и фантастическими картинами восточных писателей. Повидимому, интересы торговли были одним из мотивов, поведших на первое время к сношениям Чингиз-хана с Мухаммедом. В XII и XIII вв. сухопутная торговля европейских купцов с Китаем имела значительное развитие, и потому весьма естественна была отправка торгового каравана из пограничных областей хорезмшаха в Монголию к Чингиз-хану. Партия товаров, пришедшая к монголь-

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 423—424.

² Мухаммеда? Ред.

скому хану, была принята радушно, и скоро последовало ответное посольство тоже с товарами. В 1218 г. это посольство представилось Мухаммеду в Бухаре, или Мавераннагре, где и состоялся договор между сторонами о мире и торговых отношениях. Караван, отправленный из Монголии, прибыл в 1218 г. в пограничный город владений хорезмшаха Отрар. Но здесь произошла неожиданная катастрофа, сопровождавшаяся избиением посольства и разграблением товаров. По известиям современника, из всего каравана в 450 человек спасся только один, принесший Чингиз-хану трагическое известие, имевшее громадные последствия не только для взаимных отношений монгольского и мусульманского тюркского мира, но и в событиях всемирной истории. Впоследствии в Европе появились рассказы, что монголов подстрекнул к движению на Запад император Фридрих II или, по другой версии, папа. На Востоке же появилась другая версия: что калиф, нуждаясь в союзниках для борьбы с сельджукидами, обратился с предложением к Чингиз-хану направить свою орду во владения хорезмшаха.

Хорезмшахи, начиная с Атсыза, вступившего на престол в 1127 г., и продолжая его ближайшими преемниками (Иль-Арсланом и Текешем), были в вассальных отношениях к сельджукской династии. Представителями сельджуков были во второй половине XII в. Синджар и его преемник Гияс-ад-дин. Распространение их власти шло от Персии на запад в Малую Азию и, в лице султана иконийского, достигало высшей политической силы в Передней Азии, в бывших владениях византийских императоров. Направление сельджукской политики было другим, чем у хорезмшахов, — у первых заметно сильное влияние византийской культуры и западных феодальных обычаев как следствие продолжительных сношений с крестоносцами и всяческих связей с христианскими княжествами, основанными на Востоке (Антиохия, Эдесса). Хорезмшахи остались в стороне от этих влияний, но на долю Хорасана, на образование его политического и, в особенности, военного слоя, влияло соседство на севере с кипчакскими степями, причем главные военные силы набирались из кипчаков. Что касается ранней политики Чингиз-хана, то необходимо отправляться в этом отношении от тех настроений, какие были им вынесены с родины, то-есть из Монголии. В самый критический момент — в 1219—1220 гг. Чингиз-хан находился еще на реке Иртыше, занимаясь организацией армии, подготовляемой для похода против Мухаммеда. Здесь ему нужно было иметь дело с кипчаками, и ближайшее направление его было на Кашгарию. Очень любопытно, что, начиная с первых сношений с мусульманами, Чингиз-хан и его полководцы заявили себя терпимыми к чужой религии, так что кашгарцы

считали прибытие монголов милостью божией.¹ Но что нас особенно должно интересовать до похода в Туркестан, это то, что у Чингиз-хана не оказывается мировластительских притязаний. Следовательно, можно думать, что идея мировой империи развивалась у него постепенно и направлялась далеко не таким путем, который бы обеспечивал ближайший и крупный успех. Имеем в виду, что мировая конкуренция велась не в южнорусских степях, а в восточном бассейне Средиземного моря, и, следовательно, для осуществления мировой политики Чингиз-хану было бы верней, не задерживаясь на успехе в борьбе с мусульманами Туркестана и Персии, идти тем путем, на который вступили османские турки: Урхан, Баязид и Магомет II.

При некотором внимании к развитию политических идей среди среднеазиатских кочевников с X по XV в., можно заметить, что из поколения в поколение у них углубляется и расширяется понимание исторических проблем и что монголы в этом отношении восприняли опыт у турок-сельджуков, зашедших слишком глубоко в области Рума и очень внимательно всмотревшихся в существо идей, на которых основывалось политическое бытие Ромейской империи и греческого народа. К монголам подобные идеи не могли перейти раньше как во втором и третьем поколении после Чингиз-хана.

Повидимому, принятое монголами Чингиз-хана направление должно быть объясняемо недостаточно выясненным положением старшего сына Джучи в семье Чингиз-хана, о чем будет сказано ниже.

Начиная с 1218—1219 гг., все внимание Чингиз-хана занято борьбой с представителем тогдашней могущественной среднеазиатской восточной империи, централизовавшейся в Хорасане и заключавшей в себе наиболее культурные промышленные и торговые области с городами Самаркандом, Бухарой, Ургенчем, не говоря о богатых и многочисленных городах Персии. Процесс подчинения этих обширных и богатых мест вскрывает собственно военную славу Чингиз-хана и результаты беспримерно блестящих подвигов, заканчивающихся через 5—6 лет после того основанием империи из четырех улусов, по числу сыновей Чингиз-хана, составляя тот узел, тот комплекс событий, который необходимо умело распутать и выяснить современному исследователю. Прежде всего предстоит расчленить факты и объяснить каждый в отдельности. Чингиз-хан умер в 1227 г.; затем начинается вырисовываться роль следующего поколения в лице частью его сыновей, частью внуков. Естественно поэтому остано-

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 433.

вить внимание прежде всего на происхождении четырех улусов и на образовании в них политических и этнографических сепаративных тяготений, которые уже через четверть века заявляют о себе в истории монголов.

От Чингиз-хана происходят Джучи, Чагатай (Джагатай), Угэдэй (Октай) и Тулуй. Все они имели особенные владения, полученные еще при жизни отца. Но какое право преобладало в распределении улусов или владений между сыновьями Чингиз-хана, об этом возможны сомнения, — точными данными источники нас не снабжают. Руководствуясь сборником Тизенгаузена, можно приходить к некоторым заключениям, которые, однако, нуждаются в проверке и в объяснениях, если даже выбирать из них те, где меньше фантазии и „соловьиных песен“.

Повидимому, таким характером отличается известие Эльмуфалда:¹ от Берке прибыли два посла с требованием, „чтобы дому Батыеву была уплачена причитающаяся ему, согласно принятому обычаю, часть из того, что собрано с завоеванных земель. Обычай же этот заключался в том, что все добытое в землях, которыми они овладевали и над которыми они властвовали от реки Джейхуна на запад, собиралось и делилось на 5 частей: две части великому хану, две части войску и одна часть дому Батыеву. Когда Бату умер и на престол вступил Берке, то Хулавун удержал долю его“.

Этим писатель хочет объяснить причину вражды дома Джучи к дому Хулавуна, то-есть Хулагу.

К сожалению, мысль о делении всех доходов на 5 частей, с вычетом двух из них в пользу великого хана и двух в пользу войска и одной доли в пользу только улуса Джучи, с лишением двух улусов, принадлежащих второму и третьему брату, всякого участия в государственных доходах, не укладывается в порядок имеющихся в нашем распоряжении фактов и отношений между улусами, но нельзя не видеть, что она может быть применена к объяснению хорошо известного исторического факта, именно вражды между двумя соседними улусами, которая может быть рассматриваема как одна из причин падения империи монголов. Роль старшего сына Чингиз-хана, получившего самый удаленный удел, во многих отношениях представляется не совсем согласной с общей политикой монгольской империи. Старший сын неоднократно возбуждает неудовольствие со стороны отца и, наконец, Джучи иногда выводится в коллизии со своими братьями и подвергается их презрению и насмешкам. Все эти обстоятельства заслуживают серьезного внимания со сто-

¹ В. Тизенгаузен. Сборник, 1, стр. 188.

роны исследователя, как любопытный намек, извлекаемый из народных преданий о семейных отношениях дома Чингиз-хана.

В 1260 г. между Хулагидами и Джучидами происходила постоянная и ожесточенная вражда, о которой имеем известия у восточных писателей, помещенные в сборнике Тизенгаузена.¹

Но так как эта вражда коренится, повидимому, в старых отношениях в самом семействе Чингиз-хана, из которых должна быть объясняема и роль Джучи в образовании Дешт-Кипчака, или Золотой Орды, то необходимо несколько остановиться на этой стороне дела. Начать с того, что господствующее утверждение, будто порядок, в котором следуют 4 улуса по старшинству четырех сыновей Чингиз-хана, установлен еще самим основателем династии, т. е. до 1227 г., на самом деле не соответствует действительности. Если можно принять за бесспорный факт старшинство Джучи и соответственное тому удаление его улуса на крайний запад, то сейчас же за тем обнаруживаются вопиющие нарушения этого, казалось бы, столь положительного порядка.

Во-первых, рядом с уделом Джучи, в соседстве с Золотой Ордой, ожидалось бы иметь улус следующего задним Чагатая, затем Угэдэя, наконец, Тулуя. На самом же деле в Персии, западнее Туркестана, утверждается линия младшего члена династии Тулуя и только за ним следовал улус Чагатая (китайский Туркестан, Кашгар, Уйгурия); наконец, следует Большая, или Великая, Орда, предоставленная Угэдэю.

Во-вторых, порядок старшинства и последовательность в занятии улусов были нарушены личным распоряжением Чингиз-хана, назначившего своим преемником по занятию главного улуса в Большой Орде третьего сына Угэдэя, вместо старшего, каковым при смерти Чингиз-хана был Чагатай, если только принять за несомненное, что Джучи умер несколькими месяцами ранее отца и что весть о том своевременно была получена Чингиз-ханом.

В-третьих, против точного применения порядка старшинства, который бы напоминал русское лестничное восхождение, свидетельствуют и такие факты, как появление имен Менгу и Кубилая, сыновей Тулуя, на месте ханов Большой Орды.

Пока можно положительно утверждать, что порядка в наследовании улусами не наблюдается даже в первой половине XIII в., когда еще воля Чингиз-хана была законом. Нельзя также не видеть, что Джучи и его ближайшие преемники стоят в стороне от событий в Большой Орде и заняты выполнением непосредственных задач, касающихся Дешт-Кипчака.

¹ Таковы известия Ибн-Халдуна, стр. 385, прим.

В связи с обстоятельствами, на которые мы обращаем внимание, могут получить особенное значение те факты, а частью намеки и указания на ненормальное положение Джучи в семье. Сюда относятся ряд фактов, характеризующих самостоятельную политику его между прочими родичами, вызывавших неудовольствие отца и презрительные насмешки братьев. Что касается тяготения Джучи к северным степям и к кипчакам и неисполнения прямых приказаний отца, об этом будет сказано ниже; что же касается отношения Чагатая к Угэдэю, весьма характерны посылаемые ему укоризны с намеком на его происхождение и с указанием, что его мать родила Джучи при странной обстановке, возвратившись беременной из отлучки или из плена. Насколько в этом намеке было правды и откуда почерпнуто это предание, не беремся судить, но такая сцена между братьями должна иметь объяснение в довольно ненормальных семейных отношениях, каковые в настоящее время трудно разгадать.

Попытаемся разобраться в известиях, относящихся к периоду от 1219 до 1225 г. Это тот период, который положил основание власти монголов в Туркестане и Персии, когда Чингиз-хан должен был располагать целесообразно всеми военными силами. Благодаря тщательному рассмотрению событий в книге В. В. Бартольда,¹ мы имеем в настоящее время возможность с некоторым успехом всмотреться как в общие, так и в частные военные предприятия, порученные отдельным вождям, между которыми читаются и имена сыновей Чингиз-хана. Точкой отправления для нас служит занятие Отрара. Отсюда монголы пошли на Бухару (1220), причем главные силы под начальством самого Чингиз-хана и Тулуя держались прямой дороги от Бухары на Самарканд, а часть под командой Джучи прошла вниз по Сыр-дарье; можно догадываться, что этому отряду было назначено угрожать хорезмшаху с тыла или с боков. Под Самаркандом была употреблена особенная стратегическая мера, чтобы утратить врагов численностью нападающих. Монголы, имея у себя множество пленных, выстроили их в боевой порядок, число пленников возросло до громадных размеров с прибытием Чагатая и Угэдэя после окончания дела в Отраре. Напуганные громадным числом осаждающего войска, жители Самарканда не долго сопротивлялись и на пятый день решили сдаться. После завоевания Самарканда монголы были заняты преследованием хорезмшаха.

В этот период весьма решительных действий в Туркестане и Персии Чингиз-хан должен был располагать всеми своими силами; даже известные его полководцы Субутай и Джэбе, которые в преследовании Мухаммеда дошли до Каспийского моря, где (в 1220—1221 гг.)

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 238.

был потерян след его и которые скоро за тем через Кавказские горы проходят в южнорусские степи, — участвовали в выполнении общего плана войны. Действия Джучи не могут быть объяснены в смысле содействия тому же плану. По всем данным¹, осада столицы хорезмшаха Ургенча началась в 1220—1221 гг.; в это время сам Чингиз-хан оставался на берегу Аму-дарьи, где были удобные места для стоянки конницы. Сюда же были стянуты отряды Джучи (из Джэнды), который доселе оперировал на северо-востоке в областях с кипчакским населением, равно как отряды Чагатай и Угэдэя. При осаде города возникли неожиданно раздоры между Чагатаем и Джучи, которые опять-таки должны быть приняты в соображение, особенно ввиду того, что под Ургенчем сыновья Чингиз-хана в последний раз сошлись вместе. Это было в 1221 г. Джучи остался в Хорезме, а Чагатай и Угэдэй возвратились к стоянке Чингиз-хана.

Не входя в подробности дальнейших операций против преемника Мухаммеда — его сына Джелал-ед-Дина, равно как по усмирению восстания в Хорасане, окончившегося уничтожением городов Балха и Мерва, ограничимся упоминанием, что возвращение Чингиз-хана в Монголию должно относиться к 1225 г. и что лето 1224 г. им проведено на Иртыше.² В последние годы жизни Чингиз-хана не подлежит сомнению разрыв между Джучи и отцом. В то время, как остальные сыновья его вернулись на восток, Джучи оставался в Хорезме, несмотря на приказание отца явиться. „Явное стремление Джучи, — говорит академик В. В. Бартольд,³ — основать государство, не зависящее от центра империи, было причиной столкновения между сыном и отцом. По Джузджани, Джучи настолько полюбил Кипчак, что решил избавить эту страну от разорения; он сказал своим приближенным, что Чингиз-хан потерял рассудок, так как губит столько земель и столько народу; потому он, Джучи, хочет убить отца во время охоты и заключить союз с мусульманами“. Об этом сообщил Чингиз-хану сын его Чагатай.

К сожалению, надо принять во внимание наивное изложение обстоятельств у восточных писателей, в котором нельзя видеть реальных исторических фактов, а лишь отражение ходячих рассказов и легенд, на основе не совсем ясных семейных отношений в семье Чингиз-хана. Дата смерти Джучи, по позднейшим источникам, указываемым у академика В. В. Бартольда,⁴ относится к февралю 1227 г., а его отца — к августу того же года.

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 471.

² Там же, стр. 493.

³ Там же, стр. 494—495.

⁴ Там же, стр. 495, прим. 5.

Возвращаясь к тому, что составляет главную мысль нашего рассмотрения положения Джучи в семье Чингиз-хана, мы приходим к заключению, что определенной воли на переход Дешт-Кипчака в удел старшего сына Чингиз-хана Джучи никогда не было заявлено. Кроме того, и постепенное занятие Кипчака, начатое во время военных операций против хорезмшаха в 1221—1222 г. и не доведенное до конца при смерти Джучи, исключает мысли о том, чтобы обладание землями на севере, куда только ходили кони монголов, было поставлено в задачу Джучи и назначено в его удел.

Дальнейшие враждебные отношения между джучидами и хулагидами, давшие истории монголов совершенно неожиданное направление (о чем — в другом месте), должны иметь основание в условиях образования улуса Джучи.
